

Людмила ЕВСТИГНЕЕВА,
Рубен ЕВСТИГНЕЕВ

Социализм. Монетаризм. Либерализм

(экономическая трансформация в России)

Первый раунд баталий вокруг российской экономической реформы закончился вничью. Сторонникам «шоковой терапии» удалось нанести сокрушительный удар по тоталитарной системе, освободив цены и переведа тем самым инфляцию в открытую форму. Так называемые «градуалисты» сделали все, что смогли, чтобы за шоком не последовала терапия, т. е. финансовая стабилизация. Надо признать, что, учитывая возникшую социальную напряженность, сделать это было не так трудно. Вместе с тем дальнейшее развитие событий показало, что в начале процесса реальных преобразований условия для радикального проведения реформы были гораздо благоприятнее, чем теперь.

Сегодня, спустя три года после начала реформы, ситуация изменилась таким образом, что следует уже думать не о том, как продолжать начатую борьбу в усложнившихся условиях, а о том, чтобы перейти, к новым методам трансформации экономики. Чрезмерная политическая ангажированность противоборствующих сторон, еще не остывших от битв в первом раунде, мешает им осознать новые реалии и тем более открывающиеся во втором раунде возможности сближения позиций. Вот и продолжают затянувшиеся игры с госбюджетом: отраслевники пытаются сначала остановить спад (и нагнетают инфляцию), а монетаристы стремятся прежде всего победить инфляцию (и провоцируют спад).

Но такое топтание на месте бесплодно: по отдельности спад и инфляцию в условиях нашей полурыночной, нециклической, разрушающейся экономики не победить. Настало время от упрощенных приемов типа «быстро—медленно», допуская применение тех или иных привнесенных извне моделей, перейти к более сложным, базирующимся на несколько другом, чем до сих пор (в том числе в классических работах Л. фон Мизеса и Я. Корнай), взгляде на исходную базу реформы — социализм. Ведь, по сути, рыночная трансформация в России представляет собой не что иное, как *преодоление общего кризиса социализма*. Игнорирование этого факта, попытки начать все с чистого листа приводят к тому, что мы и наблюдаем сегодня на практике. Поэтому остановимся сначала на сюжете, который, по нашему мнению, преждевременно был заброшен на дальнюю полку, — на главных особенностях социалистической системы хозяйства.

Евстигнеева Л. Я. — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института проблем рынка РАН. Специалист в области рыночных трансформаций.

Евстигнеев Р. Н. — доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института международных экономических и политических исследований РАН. Специалист в области сравнительных экономических исследований.

Экономические предпосылки кризиса социализма

Социалистическое общество характеризовалось отсутствием капитала, рынка и экономически активного индивида. Все эти вакансии были заняты государством. В результате социализм был полон парадоксов.

Парадокс первый: макросфера без микросферы. Ввиду отсутствия рынка микросфера выглядела как мозаика разрозненных хозяйственных связей и процессов. Не осуществляя самостоятельно ни расширенного, ни даже простого воспроизводства, предприятие в целом не могло быть объектом государственного регулирования: тоталитаризм пронизывал его насквозь. Не было эффективного собственника, так как не было капитала. Основные производственные фонды не вытягивали на это качество, так как не совершали кругооборота. Цены не определяли экономическое поведение предприятий, а значит, и не формировали их инвестиционный спрос. Наконец, микросфера не являлась средой конкурентного усреднения затрат и эффектов и образования на этой основе оптимальных экономических структур. Интегрирование имело исключительно макроэкономическое содержание и базировалось на централизованном распределении рабочей силы и капиталовложений.

Парадокс второй: капиталовложения без капитала. Этот языковой курьез выражал существовавшую реальность. Государство взяло на себя функции инвестора, которые осуществлялись централизованно через бюджет, т. е. проводило «капитализацию» своего дохода. Но дальше шел провал: «капитализация» не создавала капитала, а приводила вновь к появлению имущества предприятий (основных производственных фондов) с приписанной к нему численностью занятых.

Парадокс третий: экономика дохода без повышения жизненного уровня. Концентрация всех доходов в руках государства порождала трактовку потребительского дохода как затрат на заработную плату и на другие социальные нужды, которые государство частично взваливало на плечи крупных предприятий. Истинным доходом считался только доход государства, который оно стремилось увеличивать на базе индустриализации и максимизации доли I подразделения общественного производства как в ВВП, так и в капиталовложениях.

Парадокс четвертый: централизованное плановое управление без единого для всех уровней народного хозяйства критерия экономической эффективности. Отсутствие капитала лишало экономику базы для формирования и достижения стратегических критериев эффективности. Текущее регулирование затрат тоже не поддавалось регулированию, поскольку отсутствовали стратегические предпосылки усреднения затрат в виде капитала, а не дохода.

При социализме самой сложной критериальной системой, которую удалось создать, была система определения сравнительной эффективности капитальных вложений. Однако и в этом случае, как и во всех других, оценка эффективности была очень приблизительной, потому что затраты просто суммировались. Социалистическая экономика обходилась без средних, а значит, и без предельных показателей эффективности. Централизованное планирование по своей природе ориентировалось на крупные агрегаты — отрасли, межотраслевые комплексы, конечный и совокупный общественные продукты, национальный доход и т. п., т. е. вместо рыночного механизма усреднения затрат и результатов действовал нерыночный макромеханизм усреднения в виде распределения всех видов материальных, трудовых и финансовых ресурсов по крупным предприятиям и отраслям.

В 1960-х годах динамика материальных и финансовых ресурсов как в целом, так и по отдельным агрегатам еще имела высокую положительную корреляцию. С начала 70-х годов система централизованного распределения ресурсов и усреднения затрат и результатов повела постепенно к отделению динамики и структуры капиталовложений от динамики и структуры других макроэкономических показателей. В экономике спонтанно стал зарождаться новый тип равновесия,

более агрегированный и потенциально способный ориентироваться на нейтральный тип экономического роста, характеризующийся стабильной капитале- и фондоемкостью. Однако равновесная экономика, столь необходимая для развития производства на интенсивной основе, не сложилась. В начале 80-х годов можно было наблюдать тенденцию к выравниванию соотношений между капитальными вложениями и основными производственными фондами в важнейших промышленных комплексах: топливно-энергетическом и сырьевом (а), инвестиционном (б) и потребительском (в).

Таким образом, переориентация с индустриализации на более эффективное развитие не произошла. Отмеченное выше выравнивание соотношений продолжало скрывать огромные различия в капиталоемкости, нормах и сроках амортизации, концентрации производства, технологических уровнях. Инвестиционный комплекс, включающий, в основном, военное производство, обладал наиболее современными и быстро обновляемыми основными фондами. Топливо-энергетический и сырьевой комплекс, в котором была достигнута довольно высокая концентрация фондов в расчете на одного занятого и одно предприятие, был в то же время оснащен весьма устаревшим оборудованием. Потребительский комплекс включал как промышленные гиганты, так и большое число малых предприятий с низкой технической оснащенностью.

Завершение индустриализации породило необходимость разорвать экстенсивную связку всех крупных агрегатов, введя в нее капитал и переливы капитала с учетом его эффективности. Вместо этого начался поиск способов централизованного формирования пропорций нейтрального экономического роста. Во-первых, государство перестало устанавливать жесткие инвестиционные лимиты для комплекса в, чтобы снизить влияние высокой капиталоемкости комплекса а на экономику в целом. Во-вторых, комплекс б приводился к нейтральному (т. е. к поддержанию фондоемкости, близкой к единице) с помощью инфляции издержек, завышавшей стоимость ВВП в этом комплексе по отношению к авансированным в нем фондам.

Такая уравнивательность стала точкой отсчета начавшегося обвального наращивания затратной экономики, перенакопления и свойственного этому типу развития разрастания бюджетного дефицита. Произошло инфляционное перерождение свойственных социализму экстенсивных экономических стимулов. Накануне переходного периода супердефицитная экономика оказалась тесно переплетенной с суперинфляционной. Более того, экономика оказалась не управляемой ни на уровне капиталовложений, ни на уровне ВВП, ни на уровне затрат труда в рамках предприятия. В той степени, в какой развал экономики проистекал из отсутствия капитала, социализм оказался в ловушке своей собственной природы: кризис экономики отразил системный кризис социализма.

Парадокс пятый: базисом социалистической экономики являлся живой труд, а главным стратегическим фактором развития — капиталовложения. Если в основе первого свойства лежала декапитализация, то в основе второго — политизация экономики. В такой экономике партийно-хозяйственная и партийно-государственная номенклатура представляла собой ведущую социально-экономическую структуру общества. В ее руках было сосредоточено управление экономикой, заменившее рынок. Благодаря этому управление несло социально-экономическую «нагрузку» — осуществлять расширенное воспроизводство номенклатуры. Именно здесь скрыта тайна примата капиталовложений в социалистической экономике: они являлись специфическим объектом собственности номенклатуры и основой ее социально-экономической стабильности и власти.

Капиталовложения всегда лоббировались. Однако на фоне исчерпания ресурсов экономического роста, т. е. когда перестала работать отмеченная выше экстенсивная связка макроэкономических агрегатов экономического роста (она распалась как только перестали обеспечиваться их положительные приросты), лоббирование стало основным принципом распределения капиталовложений. Оно заменило и экстенсивный макромеханизм выравнивания затрат и результатов, и

связанный с ним микромеханизм стимулирования труда. Это обстоятельство вынудило государство балансировать все лобби по капиталовложениям на базе крупных комплексов. Равновесие между комплексами *а*, *б* и *в* не выражало, разумеется, достижения оптимума в распределении капиталовложений. Напротив, капиталовложения потеряли свою основу в структуре и динамике ВВП, но не нашли ее и в капитале, которого просто не было и который только предстоит создать в ходе экономической реформы.

Альтернативы выхода из кризиса

Описанные выше противоречия неуклонно ужесточались, поскольку социалистический хозяйственный механизм последовательно экстенсивен по своей природе. Как только завершается массовая индустриализация, больше не может действовать сколь-нибудь успешно тот грубый макроэкономический механизм распределения ресурсов и агрегатного усреднения затрат и эффектов, о котором говорилось выше. В результате полностью утрачивается управляемость всеми производственно-хозяйственными процессами и структурами. Это можно было бы назвать шестым парадоксом: плановая экономика обладает огромным потенциалом стихийного функционирования. Но мы не называем это парадоксом, поскольку в состоянии стихийного срыва планомерности кризис получает как бы свой завершающий импульс и разражается с невероятной силой. Так произошло в России. Е. Гайдар еще в 1991 году писал о кризисной преамбуле реформы, но на это не обратили должного внимания. Между тем рыночная реформа есть не только вхождение в новую систему, но и *единственно возможный выход из кризиса*.

Первые шаги экономической реформы еще не обеспечивали ее необратимость, поскольку не был создан микроуровень экономики, не сформировался механизм соединения микро- и макросфер, государство не научилось регулировать рынок. Это очевидно в рассмотренном выше аспекте, но совсем не очевидно, если вести рассуждения в рамках привычной нам модальности: сначала надо поставить цели, определить пути их достижения и затем реализовать их, опираясь на сильную или слабую (для управленческого подхода это безразлично) политическую волю. Управленческий подход отвлекается от таких социально-экономических структур общественного производства, как собственность, характер действующих хозяйственных субъектов, содержание и механизмы макроэкономического регулирования. Мы же хотим углубиться в объективную историческую логику реформы, посмотреть на рыночную трансформацию России как на *закономерную эволюцию реального социализма*.

О чем идет речь? О внутрисистемной эволюции социализма в так называемый «рыночный социализм» или о системной эволюции социализма в некий другой общественный строй? И есть ли вообще такой выбор?

Что касается внутрисистемной эволюции социализма, то она не требует массовой, всеобщей поддержки. Ей достаточно поддержки социально-политического большинства или, что то же, социально-политического компромисса. Однако «рыночный социализм» — нестационарное состояние. За его благообразным лицом маячит тень, отбрасываемая физиономией не менее жесткого, чем социализм, классического капитализма. Или же «рыночный социализм» может стать просто отправной точкой возврата к реальному социализму.

Трансформация же в другой общественный строй требует и порождает участие в ней широких масс и адекватную огромную социальную энергию. Именно на этом пути гарантирован выход из кризиса социализма. Импульс энергии дается сменой общественного сознания. Последнее в силу ситуационности массового сознания обуславливает необходимость установления особого алгоритма реформ, включающего вовлечение масс в рыночное творчество, а также их убежденность в том, что социализм должен уступить место либеральному обществу.

Вернемся к парадоксам. К какой эволюции они подвели социалистическое общество? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, отметим следующее. Во-первых,

разрешение парадоксов в рамках внутрисистемной эволюции вполне возможно. Однако, как уже было отмечено, социализм в этом случае будет вывернут наизнанку, а его изнанка, его антипод — это классический капитализм. Дальнейшая либеральная эволюция пойдет уже на историческом базисе капитализма. Во-вторых, действительная смена социально-экономической системы требует массового отказа от всех ценностей реального социализма. Нам представляется это не только невозможным (недаром в последнее время очки набирают те партии и движения, которые провозглашают приверженность социалистическим ценностям), но и аморальным. Тем не менее мы считаем, что эта проблема вполне разрешима на принципах либерализма.

Почему это не ясно всем и сразу? Дело в том, что практическая ситуация распада экономики социализма создает иллюзию, что экономические проблемы могут быть легко решены на принципах монетаризма (иллюзия эта остается в силе до тех пор, пока не встает вопрос о социальной энергии: откуда ее черпать?). Возьмем парадокс «макросфера без микросферы». Почти очевидно, что только рынок в состоянии разрешить данную проблему. Следовательно, «реформа есть движение к рынку». Или что следует из парадокса «капиталовложения без капитала»? Приведение капиталовложений к капиталу через капитализацию дохода, т. е. через приватизацию. В то же время проблема капитализации производительного потенциала страны лежит уже за пределами очевидного и должна рассматриваться в рамках системного подхода и вообще в другом ракурсе. Парадокс «экономика дохода без роста доходов трудящихся» прямо ведет к превращению хозяйственного звена в рыночное. А парадокс «плановое централизованное управление без критерия эффективности» наталкивает на замену планирования «невидимой рукой рынка». И, наконец, последний парадокс: «экономическим базисом социализма является живой труд, что порождает трансформацию капиталовложений в монофактор социалистической экономики». Из него проекция опускается в примат расходов бюджета над доходами. Значит, нужно установить их обратное соотношение. С позиций монетаристской теории это является главной предпосылкой финансово-денежной стабилизации.

Но есть неотвратимые вопросы, ответ на которые заставляет нас изменить такой ход рассуждений. Вопрос первый: можно ли рассматривать социализм просто как зигзаг истории, как тупиковую ветвь капитализма? Если да, придется признать, что социализм есть «неудачный эксперимент» или «сумасшедший дом». Конечно, социализм заслуживает самых резких оценок. Однако из таких совершенно справедливых оценок нельзя делать вывод о фантомности социализма. Мы полагаем, что он был исторически обусловлен. Вопрос второй, вытекающий из первого: имел ли социализм цивилизационное содержание? Мы считаем, что как социализм, так и капитализм были объединены общей классовой эпохой: первый являлся таким же обществом-классом, как и классический капитализм. Это была внешняя, выведенная на мировой уровень государственная противоположность пролетариата и буржуазии, адекватная неразвитой буржуазной демократии. Если мы правы, то методология экономической реформы должна строиться на принципах исторической эволюции социализма. К сожалению, наука и практика, при всем разнообразии точек зрения, пошли по другому пути.

Известные программы реформы исходят не из истории социализма, а из исторической последовательности развития рынка и рыночной экономики в странах капитала. Что было вначале? Господство частной собственности и адекватного ей товарного рынка. Поток товарно-денежных операций объединял три относительно самостоятельных сферы частной собственности — землю, промышленный капитал и рабочую силу. Именно их взаимодействие играло роль костяка конструкции общественного производства. Созданию первоначальных трех китов и посвящены все российские программы, отличаясь одна от другой только степенью отрыва от реалий социализма, а также глубиной проникновения в раннюю историю рынка. Приведем только некоторые примеры.

Значительное число наших авторитетных экономистов настойчиво предлагали

начинать реформу с аграрного сектора, создавая там первый плацдарм частной собственности и рынка.

Другая группа экономистов, ссылаясь на исторический опыт почти параллельного формирования рынка капитала и рынка труда, призывала к так называемой «обвальной» и бесплатной приватизации. Сложившаяся за десятилетия номенклатурная структура должна была, по их мнению, одним махом подвергнуться очищающему огню свободной конкуренции и расщепиться в итоге на новую буржуазию и новый рабочий класс.

Большинство участников несмолкающей дискуссии пытались повторить историческое развитие рынка путем немедленного формирования массового рыночного производителя, массового рыночного потребителя и разветвленной банковской системы, а также путем утверждения примата денег в товарно-денежном рыночном обороте. Иными словами, внимание обращалось на завершение этапа становления капитализма как рыночного хозяйства.

Такова была программа Гайдара. первый этап предусматривал снятие предприятий с бюджетного финансирования и освобождение цен, а значит, формирование товарного рынка как всеобщего, т. е. втягивающего все хозяйственные субъекты в денежные отношения. Второй этап должен был быть посвящен финансово-денежной стабилизации, что равносильно утверждению примата денег и превращению метаморфозы Т-Д-Т' в метаморфозу Д-Т-Д'. Все правильно с точки зрения истории образования рынка и рыночной экономики в капиталистических странах. В этом смысле указанная программа играла роль базовой модели, от которой отталкивались или к которой приходили другие программы¹. Однако, с нашей точки зрения, такая модель не способна справиться с кризисом социализма.

Выдвинутый тезис требует серьезного обоснования. Некоторые ученые вообще полагают (и это нашло отражение, в частности, в известном прошлогоднем докладе академиков), что глубина кризиса, хотя и не его причина, порождена самой монетаристской реформой. Всем-де должно быть видно, что горит наш Российский Дом и что надо его спасать. В этой связи наибольшей критике подвергается положение об «уходе государства с рынка». Гайдаровцы отвечают на критику без лукавства: чтобы выйти из кризиса, нужно создать мощный денежный рынок и утвердить в качестве всеобщего экономического языка денежный язык. Это утверждение верно, однако оно не исчерпывает проблемы.

Да, кризис социализма носит монетарный характер. Поэтому экстенсивный количественный критерий должен быть заменен денежным на всех уровнях, но развитой денежный рынок, тем более система рынков требуют иной, более сложной системы критериев и оценок. И неправильно сводить рыночную трансформацию постсоциалистического общества к элементарному базису — частной собственности. Почему?

Недостаточна ориентация только на децентрализацию. Потеря централизации ведет, прежде всего, к потере сложности экономики. А потеря сложности — к частичному (но это может быть существенная часть) разрушению производительного потенциала, а значит, к резкому спаду и огромной безработице. Сразу же возникают два вопроса: о какой сложности идет речь и возможно ли сохранить централизацию, если становление рынка совпадает по смыслу с децентрализацией? Постараемся последовательно ответить на оба эти вопроса.

При социализме общественное производство представляло собой взаимодейст-

¹ Рынок свободной конкуренции не формирует свою собственную социально-экономическую модель, он вписывается в любую модель как ее составная часть. Вместе с тем именно эта неопределенность рынка обусловила высокую пассионарность рыночной парадигмы реформы, ее массовое признание, особенно на входе в реформу. В то же время базовая модель рыночной трансформации может стать теоретическим фундаментом очень опасного политического компромисса между реформой и консервацией социализма в любом варианте, вероятнее всего, в китайском. Для победы реформы недостаточно политического большинства. Она должна изменить устои массового сознания, а значит, нужна концепция, втягивающая народ в массовое рыночное творчество.

вующие на верхнем уровне самостоятельные обороты: натурально-вещественный и стоимостной. Это обстоятельство, с одной стороны, побуждало к ускоренному структуроформированию как условию стабилизации экономического роста и повышения технологического уровня общественного производства, с другой — обособление оборотов предоставляло такую возможность: ведь макросфера развивалась без микросферы в нормальном значении этого понятия, т. е. без ланка. Микросфера, как уже отмечалось, базировалась на макромеханизмах усреднения. Все это привело к тому, что несмотря на отсталость самых разных сфер и видов деятельности социалистическая экономика подошла к своим реформам со сложными структурами, аналогичными развитому капитализму: комплексы отраслей промышленности, высокий удельный вес промышленного производства в ВВП, устойчивые межотраслевые связи, отраслевые монополии в виде крупных инвестиционно-финансовых субъектов, огромные по размерам основные производственные фонды с прикрепленным к ним живым трудом, наконец, банковская монополия.

Кризис как раз и выявил накопление избыточной сложности, неадекватной упрощенному социалистическому хозяйственному механизму: щука схватила карася, которого не могла заглотнуть. Тоталитаризм как организация экономики слишком прост, но отсюда не следует, что один вид простоты — политизацию — нужно заменить на другой — децентрализацию, тоталитаризм — на рынок свободной конкуренции. Напротив, *реформа должна повысить ранг сложности экономической модели*, сделать ее адекватной современному капитализму, соединяющему конкурентный рынок с развитой финансово-денежной системой и активными действиями государства как по осуществлению финансово-денежной стабилизации и рыночного равновесия, так и по поддержке национального капитала в сфере внешнеэкономических отношений. Иными словами, речь должна пойти о совмещении децентрализации и централизации.

Такое совмещение на первый взгляд выглядит абракадаброй: одно ущемляет другое. Однако история капитализма доказала возможность решения этой диалектической задачи. Да, сегодняшний рынок остается, как и прежде, сферой конкуренции и механизмом экономической саморегуляций. Но микросферу уже нельзя представлять как развернутое множество предприятий. Это, скорее, компактное множество, обладающее своей целостностью. Что же касается макросферы, то она в современном рыночном хозяйстве играет роль системы сознательного демократического регулирования общественного производства. При этом регуляторы направлены на рынок как на целостность и поэтому, в свою очередь, зависят от него. В результате они поддерживают демократизацию и конкуренцию. Макросфера раздвоилась. С одной стороны, ее представляет финансово-денежный капитал, регулирующий стабильную цикличность экономического роста. На этом уровне формируются стратегические (потенциальные) структуры, которые могут реализовываться в текущих параметрах производства, распределения, обмена и потребления только на рынке. С другой стороны, само государство, опираясь на финансовый капитал, участвует в регулировании экономики.

Что должно стать стержнем рыночной реформы в России?

По нашему убеждению, им должно стать превращение основных производственных фондов в капитал. Но не посредством начавшегося долгого и мучительно-го процесса капитализации доходов (постваучерная приватизация), а через создание специальных хозяйственных институтов, среди которых первое место должно принадлежать Банку капитала. Будучи макросубъектом капитализации, этот Банк поместит в свои активы поначалу номинальные, а потом постепенно включаемые в денежный оборот акции предприятий. Под обеспечение этих активов Банк эмитирует свои капитальные деньги для кредитного и других видов денежного обслуживания инвестиционно-денежного оборота. Последний станет благодаря этому массовым. Предприятие начинает играть на рынке капитала не

меньшую, даже большую роль, нежели субъекты капитализированного дохода или государство.

Кроме того, если инвестиционные потребности и ресурсы начнут формироваться производительным капиталом (по крайней мере в большей своей части), рынок капитала станет работать в режиме равновесия инвестиционного спроса и инвестиционного предложения и поставлять народному хозяйству настоящие, капиталом обеспеченные деньги. Поскольку антиинфляционное воздействие капитальных денег одновременно связано с частичным вытеснением государства с инвестиционного поля, это приведет к снижению дефицитности бюджета. И это еще не все. Втягивание предприятия в рынок капитала обусловит трансформацию его финансов в капитал, нормализующий расширенное воспроизводство внутри предприятия: создастся устойчивая структура материальных и денежных ресурсов, своих и заемных. Это необходимая предпосылка разрешения кризиса неплатежей.

Было бы крайне желательно, чтобы Банк капитала был поддержан трансформацией всей банковской системы с выделением еще двух подсистем, служащих центрами кругооборотов валового внутреннего продукта и потребительских доходов. Эти три центра станут эмитентами, соответственно, капитальных, товарных и доходных денег, которые смогут обмениваться по внутреннему валютному курсу. Таким образом, будет создан надежный механизм стабилизации денежной системы и придания устойчивости рублю.

Основой современного рынка является не частная собственность, взятая абстрактно, а система форм национального капитала: финансового, производительного и полученного путем капитализации дохода. Но это не означает, что парадигма рынка свободной конкуренции полностью отменяется. Если она является слишком примитивной для построения современной системы капитала и его рынков, то без нее не обойтись при решении задачи рыночной трансформации на микроуровне. Здесь все решает приведение рыночной трансформации к индивиду. Мы полагаем, что пока практически не используются ресурсы коммерциализации применительно к отдельной личности. А ведь именно индивид воплощает ту созидующую неопределенность, которую дают частная собственность и доход, обеспечивающие включение индивида в рынок. Коммерциализация должна не предшествовать капитализации и приватизации, а дополнять их. Предприятие должно быть открытой системой, где внутренние и внешние для него рыночные отношения не только возможны, но и обладают силой хозяйственного и производственного структурирования. Системные преобразования, вызываемые капитализацией и последующей приватизацией, следует дополнить рыночным хаосом, буйством коммерциализации. Это зарядит реформу социальной энергией и создаст поле массовой социально-политической поддержки.

Критики реформы напрасно рассматривают микросферу как область производственно-хозяйственного регулирования. Это — сфера приватизации и монетаризации. Но и реформаторы неправы, относя монетаризацию к макросфере, пытаясь суммировать такие меры, как создание примата товарного рынка (свободные цены + приватизация имущества) и финансовую стабилизацию.

В практическом плане перед государством стоит насущная и срочная задача погашения гиперинфляции. В принципиальном отношении это означает необходимость осуществить переход от примитивного рынка к сложному: к системе рынков во главе с рынком капитала. Параметры экономического роста складываются в сфере финансового капитала, приведение всех хозяйственных процессов к расширенному воспроизводству национального капитала обеспечивает финансовую стабилизацию и создает условия для сбалансированности спроса и предложения на товарных рынках.

Что нам предлагает стратегия монетарного строительства рынка? Она предлагает искусственно разрушить индустриальное ядро экономики, прежде всего ее инвестиционный комплекс, открыть экономику и таким образом вписаться в схему исторической последовательности развития, адекватную рыночной транс-

формации развивающихся экономик, не имеющих внутренней инвестиционной сферы и мощного индустриального ядра. У нас же стоит проблема рыночной трансформации инвестиционной сферы и индустриального ядра экономики.

По мнению отечественных монетаристов, если будут деньги, масса которых станет нарастать по мере расширения рыночных контактов, появится и спрос. Но просто денежный спрос существенно отличается от инвестиционного спроса. Денежный спрос может быть и спекулятивным, и переориентированным на накопление дохода в ущерб накоплению капитала. В основе же инвестиционного спроса лежат более глубокие мотивы. Он имеет финансовую природу и выражает потребности расширенного воспроизводства на предприятии. Реформа нанесла по этому и без того неполному процессу сокрушительный удар вместо укрепления предприятия как субъекта расширенного воспроизводства, что можно сделать только одним способом — капитализацией основных производственных фондов.

Важно подчеркнуть, что такая капитализация включает трансформацию фондов как в производительный, так и в финансовый капитал, представленный активами Банка капитала, коммерческих банков, инвестиционных фондов, крупных ассоциаций, фондовых бирж и других субъектов рыночной инфраструктуры, а также государства. Если на фундамент производительного капитала «садится» микросфера, финансовый капитал становится основанием формирования рыночной макросферы и свойственной ей стратегии развития.

Монетаристская концепция реформ не учитывает глубинных структур, связанных с расширенным воспроизводством национального капитала. Она сводит финансовые структуры к денежным и как бы не замечает того факта, что количество денег должно выражать либо стоимость ВВП (в незрелой рыночной экономике), либо стоимость национального капитала (в развитой рыночной экономике). Есть большая разница между стабилизацией экономического роста на основе оптимизации пропорций ВВП и на основе балансирования кругооборотов национального капитала, ВВП и потребительского дохода. Во втором случае мы имеем дело тоже с монетаризмом, но более сложным, структурным, *новым монетаризмом*.

Каждый из денежных оборотов (инвестиционно-денежный, товарно-денежный и налично-денежный) подпирается своим финансовым кругооборотом (соответственно, капитала, продукта, дохода). Каждый кругооборот регулируется своим особым критерием. Например, предельная эффективность капитала ничего не значит для кругооборота дохода, а уровень благосостояния не влияет прямо на экономическую стратегию развития национального капитала. И это еще не все. Во главе каждого из кругооборотов стоит свой центральный банк: банк капитала (в развитой рыночной экономике он представлен международными банками и связанными с ними валютно-финансовыми институтами), коммерческий банк и сберегательный банк. В результате складывается триединство валют: капитальных денег, товарных денег и доходных денег, взаимоувязанных на основе внутреннего курса товарных и доходных денег к капитальным.

Монетаристский подход направлен на стабилизацию приростов денег и ВВП ради ликвидации бюджетного дефицита. Хотя сбалансированность бюджета имеет принципиальное значение и в период нового монетаризма, тем не менее она не исчерпывает задач общей финансово-денежной стабилизации. Вопрос состоит в том, чтобы создать условия для стабильного циклического развития экономики. Такое развитие возможно только на основе сбалансированных кругооборотов в рамках общей ориентации финансово-денежной системы на параметры предельного (шесть-семь лет) цикла кругооборота капитала. Только новому монетаризму, который, по нашему мнению, должен работать с денежной массой разных видов, стоимостью национального капитала, экономическим циклом и его параметрами, объемом ВВП и дохода, под силу вывести экономику на сбалансированность кругооборотов и победить гиперинфляцию. Сказанное означает, что монетаризм и новый монетаризм различаются по своим базовым экономическим институтам.

Монетаризм базируется на бюджетной системе, тогда как новый монетаризм выражает приоритетность банковской системы во главе с Банком капитала.

В рамках монетаризма гиперинфляцию принято считать просто большой инфляцией. Такой привычный подход демонстрирует узость монетаристской концепции по сравнению с новомонетаристской (по крайней мере в нашем ее понимании). Гиперинфляция есть либо серьезная разбалансированность кругооборотов, либо спонтанная форма их образования, как это имеет место в России. Кругообороты капитала и ВВП вытесняются и замещаются кругооборотом дохода. Более того, последний превращается в псевдокругооборот, поскольку он не остается замкнутым на самого себя. Стоимость производительного капитала превращается в доход и либо выводится в заграничные банки, либо разбазаривается внутри страны. В этих условиях обнаруживает себя тенденция к отрыву денежных оборотов предприятий от натуральных и к образованию замкнутых спекулятивных денежных оборотов. Набирает силу процесс проникновения уголовщины в экономику и коррумпиования власти.

Все это мы видим в России. Одновременность инфляции и экономического спада свидетельствует о наличии гиперинфляции и о необходимости трансформации российской экономики в развитое рыночное хозяйство. Несмотря на монетаристский характер кризиса (огромный дефицит госбюджета, кризис налоговой системы и финансирования, взаимная задолженность предприятий), монетаристские методы не срабатывают. Причина этого очевидна. Монетаристская программа в силу свойственного ей сведения всех процессов к денежным не просто отделила денежную сферу от финансовой (госбюджета), а зачеркнула финансовую инвестиционную сферу, взяв курс на массовую приватизацию имущества, а не капитала, при том, что еще только зарождаются механизмы (прежде всего фондовые биржи и банки) инвестирования дохода. Такой курс способен улучшить ситуацию на короткое время, но не способен спасти экономику от гиперинфляции.

Не менее пагубным является курс на борьбу с монополиями вместо создания принципиально новых монополий — финансового капитала и новой банковской системы. Банк капитала, разумеется, является монополией, но монополией иного рода, чем бывшие министерства или нынешние холдинги. Его главная цель — обеспечить кругооборот капитала и таким образом стабилизировать экономику в рамках расширенного воспроизводства национального капитала как единого целого. Идеал же свободного рынка является сугубо монетаристским, а не новомонетаристским. На таком рынке финансовые отношения не отделены от денежных, основой воспроизводства является капитализация дохода, действует только один критерий — масса прибыли от реализации. Другими словами, это идеал бесструктурной экономики. В ней возможны плюрализм форм хозяйствования, сосуществование сфер с высокой и низкой эффективностью, наконец, это однозначно экстенсивная экономика, ибо вся она сведена к микросфере, а прибыль как ее критерий хотя и всеяден к факторам производства, но приводит их в конечном счете к экстенсивному знаменателю массы прибыли. В силу однозначности экономики, т. е. единственности критерия, такая экономика нециклична, а значит, в ней нельзя выделить капитальные стратегические структуры. Словом, рынок свободной конкуренции является Зазеркальем социалистической экономики.

Наконец, монетаризм, сводя финансовые отношения к денежным, не принимает во внимание тот факт, что внедрение самого поверхностного и исторически самого древнего пласта товарно-денежных отношений возможно в нынешних условиях только в рамках коммерциализации, отнесенной к индивиду как ее субъекту. Сюда не добирается ни капитализация, работающая в сфере кругооборотов, ни приватизация, вовлекающая предприятия в систему денежного обращения.

Нас могут обвинить в парадоксальности. Но приведение к рынку мощной индустриальной экономики парадоксально и при капитализме. Процессы финансовой монополизации и выделение монопольного финансово-производственного каркаса экономики порождают веер форм собственности и хозяйствования, да-

ющих импульс демократизации экономики. С нашей точки зрения, настоящие, «примитивные» товарно-денежные отношения могут быть успешно возрождены только на этой основе.

Итак, рыночная трансформация в России должна стать именно трансформацией, а не приведением экономики к нулю и началом с нуля. Поэтому в ее основе должны лежать названные выше основные процессы — капитализация, приватизация, коммерциализация. Реформы в России подвели нас к пониманию того, что монетаризм в качестве их теоретического фундамента недостаточен. Поэтому и родилась идея нового монетаризма.

Общесовицизационные аспекты экономических преобразований

У нас нет сомнений в том, что дальнейшее развитие экономики и общества в России несмотря на всевозможные отклонения должно пойти в сторону либерализма². По свидетельству западных специалистов, либерализм, персонифицированный в определенной партии, в XX веке неуклонно терял и продолжает терять свой электорат. «В то же время преобладает и даже продолжает усиливаться влияние либерализма как теоретического фона или набора достаточно нейтральных и универсальных ценностей на политическое сознание всего идеологического спектра»³. Это сознание во всех постсоциалистических странах, независимо от находящихся там в данный момент у власти политических сил (пока, к счастью, ни в одной из этих стран не произошло возврата к режиму личной власти), во все большей мере влияет на формирование социально-экономической структуры общества и, соответственно, на обеспечение социально-политической поддержки реформ.

Вчерашний либерализм разработал идеалы свободы, равенства, индивидуализма и рационализма применительно к буржуа (*Homo economicus*). А. Смит впервые показал, что именно экономическая свобода создает общественное богатство. Дж. С. Милль сделал шаг вперед от экономического человека к реальному индивиду как основному субъекту развития общества. Л. фон Мизес и Ф. Хайек раскрыли единство экономической свободы и либеральной демократии.

Современный либерализм опирается, с одной стороны, на концептуальную разработку роли индивида в экономике и обществе. Песнь песней — так можно назвать в этом плане работы М. Фридмана и их прикладной выход в виде монетаризма. С другой стороны, либерализм находится в ареале мировых общедемократических движений, прежде всего обеспечения прав человека. Он явно утверждает себя как общее мировоззрение европейской цивилизации.

В будущем либерализм непременно займет это место, если будет выполнено одно условие. Необходимо снять противоречие свободы и равенства, устранить дихотомию «капиталистическая свобода—социалистическое равенство». Либерализм должен предстать как «Свобода», на обороте которой начертано «Равенство». Без равенства свобода является потенциальной, т. е. данной практически не для всех. Но это ограничивает саму свободу, сужая спектр выбора приложения труда и воли индивида. Без свободы социалистическое равенство обернулось равенством нищеты и тоталитарного бесправия. Это абсурдное равенство, не дополняющее, а подавляющее личностное начало в человеке жестким кол-

² Можно считать, что это преобладающее мнение российской научной общественности (см., например, «Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития». М., 1994). По мнению А. Ахиезера, с которым мы согласны, развитие либерализма в России как в идейном, так и в институциональном планах связано с решением противоречия «вечного коллективизма и атомизированного индивидуализма», что «представляет собой узловую проблему дальнейшей социокультурной динамики» («Куда идет Россия?..», с. 292). Противоречие осложняется тем, что сформировался и пока обладает большой силой децентрализованный номенклатурный слой общества — «класс индивидуальных владельцев объектов госсобственности». Номенклатурная «атомизация» эксплуатирует ситуацию и заинтересована в ее продлении на неопределенное время, а не в успешном завершении реформы.

³ «Contemporary Political Ideologies». London, 1993, p. 23.

лективизмом. Сама история поставила вопрос об ассимиляции либерализмом социал-демократизма, который является чисто политическим учением.

На каком же либерализме — вчерашнем, сегодняшнем или завтрашнем — основана концепция рыночной трансформации в России?

Мы не раз слышали, что реформа ориентирована на сегодняшний либерализм, социально-экономической базой которого является трехклассовая структура. Этот тезис представляется нам ложным. Реформа, сведенная к децентрализации, способна воссоздать только двухклассовый классический капитализм. В общественном сознании происходит смена эксплуататора: вместо государства им становится частный собственник. Имея в виду обнищание и резкое расслоение групп населения по уровню дохода, реформаторов нередко критикуют за размывание «третьего класса». Критика эта несправедлива, так как при социализме «третьего класса» вообще никогда не было. По сути своей он был противоположностью классическому капитализму, господствовавшему в период раннего либерализма. На этом этапе либерализм являлся, безусловно, классовым. Свобода, которая всегда выражает участие человека в экономических институтах на правах частного собственника и в политических институтах на принципах гражданского общества, оказалась отнесенной только к классу капиталистов. Рабочий класс являлся объектом капиталистической эксплуатации и не был субъектом в своем обществе в позитивном смысле. Субъектность рабочего класса была негативной, революционной. Она была направлена на создание своего собственного пролетарского государства и общества. Собственно говоря, идея социализма родилась вместе с идеей либерализма, обе они были классовыми. Концепция социализма содержала идею равенства, концепция либерализма — идею свободы для экономического человека.

Можно утверждать, что максимумом вчерашнего либерализма явилась реализация классовой антиподности буржуазии и пролетариата в Октябрьской революции 1917 года. Построенный затем классический, по выражению Я. Корнаи, социализм резко противопоставил обе важнейшие для западной цивилизации идеи свободы и равенства. Идеологией социализма стал эгалитаризм. Осуществление этой идеи привело, с одной стороны, к политизации общества, с другой — к декапитализации экономики и приведению ее базиса к кооперации живого труда. Иными словами, пролетариат соединил в себе черты субъекта государства и объекта труда. Отсюда — полный произвол, а не свобода на стороне государства и его номенклатуры (тоталитаризм) и полное равенство в бедности эксплуатируемого государством населения.

Все имеет свои материальные основания, хотя и не сводимо только к ним. Социализм представлял собой сугубо экстенсивное, поэтому в перспективе чрезвычайно расточительное, общественное производство. Современный же либеральный мир, напротив, зародился в недрах развитой, структурной экономики, экономики высоких технологий, социализации производства и интеллектуализации труда. Его мировые завоевания — Декларация о правах человека и завершение «холодной войны». Без этих предпосылок трудно было бы себе представить начало рыночной реформы в России. Наша дорога ведет сюда, в либеральный мир высокого уровня развития экономики и общества.

В современном либеральном обществе функционируют три класса: капиталисты (класс-субъект), трудящиеся (класс-объект) и средний класс (субъект-объект одновременно, поскольку капитализирует заработанный самим доход). Чем больше развита экономика, тем шире у людей выбор как форм приложения труда, так и источников пополнения дохода. И эта свобода в экономике дополняется развитием в направлении либерализма форм демократии. Представляется, что сегодня политический потенциал свободы даже выше, чем экономический.

Отмеченные тенденции открывают новые горизонты либерализма. Они связаны с развитием бесклассового общества и *личности*, которая, в отличие от индивида, способна не только обособиться от общества, но и воспринять стоящие перед ним проблемы, влияя на выбор общественных приоритетов, или просто

жить по-своему, определив меру индивидуализации жизни, исходя из собственных представлений о себе, обществе и космосе и из своих потребностей (не вступающих, разумеется, в конфликт с потребностями сограждан).

Иногда говорят, что социалистическое общество несет ответственность за злодеяния тоталитарного государства и поэтому заслужило наказание в форме хотя бы временных экономических трудностей. Нам такая постановка представляется глубоко нелиберальной. Россия выстрадала либерализацию. И нам трудно согласиться с раздающимися иногда утверждениями, что восточные традиции коллективизма, хотя и в своеобразном варианте (сначала православная соборность и общинность аграрного сектора, а потом социалистическая коллективность), так сильны в России, что ей больше подходит китайская модель. По нашему мнению, коллективизм при социализме достиг своего апогея, и теперь движение возможно только к перигею. Социализм соединил человека и экономику через средство полного уничтожения (политизации) интимной личностной сферы. Тем самым «экономический человек» поглотил индивида. В отличие от социализма классический капитализм и либерализм сумели объединить индивида и экономику в рамках рыночных отношений, что позволило индивиду стать одновременно и «экономическим человеком», и гражданином (участником Общественного договора).

Кстати, далеко не бесспорно мнение о глубоко укоренившихся в России антилиберальных традициях, о том, что либерализм может быть лишь привнесен к нам извне. Серьезные исторические исследования, начиная еще с XVIII века и до наших дней (отметим хотя бы недооцененные, на наш взгляд, труды Н. Павлова-Сильванского), говорят об обратном — об общецивилизационных путях развития России. А о либеральном сознании нации, к изучению которого мы стали обращаться все чаще, можно судить по блистательным работам отечественных западников. Выдающийся представитель христианской философской мысли России С. Булгаков видел возможность базирования общественного производства на свободной деятельности индивида, черпающего стимулы в христианском мировоззрении, в умении мыслить масштабно, а не в том или ином виде социального или экономического эгоизма⁴. В качестве одного из аргументов в пользу мощного либерального потенциала российского общества могут быть, на наш взгляд, приведены (может быть, несколько неожиданно для читателя) дневники Л. Толстого, раскрывающие глубокий индивидуализм «русский души». С. Булгакова и Л. Толстого сближает общий взгляд на русский либерализм как на весьма далекий от западного рационализма, базирующийся в большей мере на духовных предпосылках.

Следует признать, что на старте реформы в России общественное сознание подверглось шоку, вызвавшему панику и устремленность к патернализму в любой его форме. Но правда и то, что тот же шок спровоцировал индивидуализацию сознания. И теперь человеку, обществу, общественно-политическим движениям либерализм становится так же необходим, как воздух.

Сейчас бывший советский человек все активнее включается в процесс массовой индивидуализации экономики и общества на базе частной собственности. Коллективная форма собственности имеет, скорее, смысл социальной самозащиты, но не целевой установки реформы. Короче, в экономике и обществе в целом созрели предпосылки для включения России в круг либеральных высоко-развитых государств. Наш тезис выглядел бы насмешкой, учитывая бедственное положение в производстве, если бы мы не были убеждены в том, что инвестиции в приватизацию нужно искать не в доходе, а в капитализации основных фондов внутри и посредством трехуровневой банковской системы во главе с Банком капитала. Высокая норма накопления — уже одно это говорит о материальной подготовленности перехода от экстенсивного к интенсивному развитию. Переход к рынку должен поэтому включать не редуцирование, а повышение сложности экономики. И с этой целью — обращение к новомонетаристской концепции, ак-

⁴ См. Макашева Н. Сергей Булгаков: к христианской политэкономии. «Общественные науки и современность», 1994, № 3, с. 31.

центрирующей внимание на финансовых, а не денежных отношениях. Внутри же денежных отношений акцент должен быть сделан на создании механизмов обеспечения денег на основе национального капитала, а не ВВП.

В данной работе мы критикуем программу реформы с позиций нового монетаризма, т. е. «справа». Кризис привел к реформе, но не сделанный вовремя переход к новомонетаристской концепции углубил кризис и привёл к резкому спаду производства. Конечно, спад способствовал ликвидации значительной части перенакопления, но в то же время он вновь открыл закрытые было горизонты использования экстенсивного (объемного) критерия развития. Что еще хуже, спад оказался столь глубок, что экономика редуцировалась, т. е. потеряла свою структурность. В этой связи стоит в очередной раз обратиться к возможностям применения в России китайской модели развития.

На наш взгляд, китайская модель адекватна более низкому уровню индустриализации и вписывается в специфику раннего либерализма: три элементарных рыночных фактора (земля, капитал, труд), классовое содержание как свободы, так и равенства, и их взаимодействие на основе освоения социал-демократизма, точнее — приближения к нему социализма. Российскую экономику не вытянуть ни с помощью свободных экономических зон, ни помогая одному за другим предприятиям. То и другое имеет шансы на успех, но это такие шансы, которые оплачиваются общей депрессией. При этом ни то, ни другое не решает проблем рыночной трансформации инвестиционной сферы и индустриального промышленного ядра, которые имеют макроэкономическое содержание, т. е. могут быть воссозданы только на основе и в рамках общей целостной реформы.

В обстановке гиперинфляции и упадка производства государство начинает защищаться, отступая на привычный плацдарм командной системы. Мы видим причину этого только в одном — в отсутствии понимания тех вещей, о которых речь шла выше. Сегодня нельзя отступать. Государство должно вести общество в реформу, как в атаку. Социализм в России создал исторические предпосылки для такой атаки. Во времена молодости нашего поколения существовало понятие «исторический оптимизм». В те времена оно имело жесткий смысл: игнорирование текущих тягот ради довольно неопределенного коммунистического будущего. Сегодня нам бы хотелось вложить в это понятие иной смысл: видеть реальную, апробированную историей перспективу, чтобы в ее свете оценивать все происходящее в России. Такую перспективу дает разработка либерализма как идеологии реформы. Недостойно страны бросаться в рынок, как в омут: будь что будет, хуже не станет, какая разница в том, как будет называться наше общество — капитализм, социализм или как-нибудь еще — лишь бы жилось хорошо.

Общественное сознание должно принять ту простую мысль, что капитализм и социализм одинаково страшны, но это пройденный этап развития цивилизации. Капитализм совершил свою либеральную трансформацию совсем недавно. Россия и другие постсоциалистические страны отстают на какие-нибудь тридцать-сорок лет. Либеральная трансформация вначале решает задачу, одинаковую и для капитализма, и для социализма: капитализация экономики на базе превращения акций во всеобщую денежную форму капитала и создание массового собственника. Следующая задача состоит в повышении общего уровня дохода и в формировании среднего класса. Трехклассовое общество создает социально-экономические предпосылки для расширения демократических свобод. Рыночная трансформация в России открывает ей дверь в общий процесс либерального развития европейской цивилизации.

Итак, к какому обществу мы стремимся? К либеральному. Что написано на его знамени? Свобода и равенство для каждого, эффективная экономика и благосостояние. Для скромной статьи это — слишком высокий пафос. Но именно высокий пафос так необходим сегодня российской реформе!